

Подлинная история Анны Карениной

Автор:

Павел Басинский

Подлинная история Анны Карениной

Павел Валерьевич Басинский

Толстой: новый взгляд

«Анна Каренина» – наверное, самое загадочное произведение Льва Толстого. Почему оно до сих пор вызывает споры? Мы многого не знаем о суровых законах и парадоксальных нравах золотого девятнадцатого века. Павел Басинский исследует роман глазами любопытного и преданного читателя. Факты, собранные вместе, удивляют, обескураживают и дают объяснение многим странностям этой трагической истории любви.

Павел Басинский – писатель, журналист, литературовед. Его увлекательные документальные книги о жизни и творчестве Льва Толстого подняли в обществе новую волну интереса к феномену «яснополянского апостола» («Лев Толстой: Бегство из рая», «Святой против Льва», «Лев в тени Льва»). Лауреат премии «Большая книга».

Книга проиллюстрирована редкими фотографиями и живописью из архива музея-усадьбы «Ясная Поляна» и Государственного музея Л. Н. Толстого.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Павел Басинский

Подлинная история Анны Карениной

Если же бы я хотел сказать словами все то, что имел в виду выразить романом, то я должен был написать роман – тот самый, который я написал, сначала.

Л. Н. Толстой в письме Н. Н. Страхову

Заранее приношу извинения перед дотошными читателями, которые, возможно, найдут в книге фактические неточности и ошибки, и уверяю, что они порой встречаются даже в самых строгих академических изданиях.

“Редакция Елены Шубиной” благодарит Государственный музей Л. Н. Толстого и музей-усадьбу “Ясная Поляна” за помощь в подготовке издания, а также киноконцерн “Мосфильм” и лично Шахназарова К. Г. за любезно предоставленные кадры из кинофильмов

Художник Андрей Бондаренко

© Басинский П. В., текст, 2022

© Бондаренко А. Л., художественное оформление, 2022

© Государственный Эрмитаж, 2021

© Киноконцерн “Мосфильм”, 2021

© ООО “Издательство АСТ”, 2022

От автора

Эта книга писалась сама собой. Я выступаю в ней не столько как писатель, сколько как преданный читатель романа “Анна Каренина”. На протяжении

многих лет я перечитывал его раз десять. И каждый раз возникало странное ощущение, что я читаю другой роман.

Скажут: обычное дело. С возрастом мы иначе воспринимаем те же книги. Но это не тот случай. Было время, когда я перечитывал “Анну Каренину” каждый год, проводя лето на даче. И каждый год чувство, что я читаю другой роман, меня не покидало. Едва ли за один год я сильно вырослел. Видимо, дело не во мне – но в самом романе.

Однажды я понял, что это становится родом сумасшествия. Нельзя постоянно перечитывать одну и ту же книгу, каждый раз понимая ее содержание по-другому. На какое-то время я выбыл из этого “спорта”, оставив в покое роман и самого себя. Но потом снова к нему вернулся, и он опять затянул меня, как черная дыра. И снова я читал какой-то другой роман о каких-то других героях.

Вот только один забавный пример... При перепро чтении романа я иногда обнаруживал, что у графа Вронского вдруг отрастала... борода. То, что этот красавец рано начал плешиветь, я замечал и до этого, но откуда взялась борода? Она то была, то ее не было. Вронский между моими чтениями романа жил какой-то своей жизнью, не зависимой не только от меня, но, кажется, и от самого Толстого. Когда хотел, отращивал бороду, когда не хотел, не отращивал или сбрасывал к тому моменту, когда я открывал книгу.

Но борода Вронского – это мелочь в сравнении с тем, что я каждый раз по-разному понимал мотивы поведения почти всех героев этого романа. Они всегда оказывались другими и всякий раз противоречили прежнему пониманию. Я не знаю случая, чтобы какой-нибудь роман оставлял во мне такое же впечатление.

И тогда я сказал себе: пора наконец остановиться и зафиксировать в своей голове какой-то один роман под названием “Анна Каренина”. Так возникла идея написать эту книгу.

Она писалась сама собой. Без плана, без концепций, без конструкции. Это лишь моя последняя версия подлинной истории Анны Карениной. Именно так: без кавычек. Это ни в коем случае не литературоведение. И это книга – повторюсь – не писателя, а читателя.

Я отдаю себе отчет, что никакой подлинной истории Анны Карениной не существует. Анн Карениных столько же, сколько читателей этого романа. Сотни тысяч Анн... Но я льщу себя надеждой, что моя книга поможет таким же, как я, фанатикам, подсевшим на этот роман, как главная героиня подседа на опиум, разобраться в своих личных Аннах. Разумеется, не согласившись со мной.

Памяти Анны Пироговой

Недалеко от Ясной Поляны на церковном кладбище в селе Кочаки, где находится семейное захоронение Толстых и покоятся дед Толстого, мать, отец, брат Дмитрий, жена Софья Андреевна, дети, любимая свояченица Татьяна Андреевна Кузминская и другие родные, есть одна скромная могила, которую никто из посетителей кладбища не замечал, пока возле нее не поставили табличку.

Надгробие представляет собой скромный известняковый саркофаг, на котором выбито:

Под сим камнем положено тело

Дочери Порутчика Девицы

Анны Степановны Пираговой

Жития ея было 32 года

Кончина была 4 генваря 1872-го года

Поставлен камень убитыми горем ея матерью и сестрою

В этой полустершейся надписи смущает странный оборот “положено тело”. Не “покоится прах”, не “нашла последнее пристанище”, а просто взяли и “положили тело”.

Но несведущий посетитель кочаковского некрополя удивится еще больше, когда узнает, что здесь, на церковном кладбище, “положено тело” несчастной самоубийцы, покончившей с собой крайне жестоким способом – бросившись под товарный поезд. Тем самым она хотела отомстить своему любовнику – соседу Льва Толстого по имению помещику А. Н. Бибикову, у которого служила экономкой. Так что по нынешним временам называть ее девицей тоже странно. Но это XIX век. Не вышла замуж – следовательно, девица.

Могила Анны Степановны Пироговой (через “о” в современном варианте, раньше писалось “Пирагова”) опровергает убеждение, что на православных, а уж тем более церковных кладбищах не хоронили самоубийц. Хоронили. Существовали разные исключения, чтобы обойти принятое Церковью в IV веке правило Святого Тимофея, архиепископа Александрийского, согласно которому самоубийц запрещено хоронить на православных кладбищах.

Исключения делались, например, если самоубийство было совершено в состоянии душевной болезни или неосознанно, под влиянием аффекта, как сказали бы сегодня. Впрочем, следствие, которое было проведено после истории с Пироговой, вообще признало этот случай даже не самоубийством, а несчастным случаем.

Хотя все понимали, что это не так.

Большинство читателей “Анны Карениной”, я уверен, и слыхом не слыхивали об Анне Степановне Пироговой. Кому нужна эта 32-летняя девица, ни портрета которой не сохранилось (да и вряд ли он был, кто бы стал писать портрет экономки?), ни истории ее жизни, кроме того, что она была любовницей Бибикова, ревновала его и бросилась под поезд.

Между тем именно Анна Пирогова подарила Толстому сцену, которая является одной из самых сильных в романе и которую мечтает сыграть любая мировая актриса. И играли: от Греты Гарбо до Вивьен Ли, от Софи Марсо до Киры Найтли, от Татьяны Самойловой до Татьяны Друбич и Елизаветы Боярской. И каждая старалась сыграть это по-своему, максимально эффектно. Для актрисы броситься под поезд – это то же самое, что для актера произнести монолог Гамлета “Быть или не быть?”.

Не думаю, что Толстой сам бы до этого додумался: бросить молодую женщину под колеса товарного поезда. В русской литературе героини предпочитали топиться: Лиза у Карамзина, Катерина Кабанова в “Грозе” Островского, Катерина Измайлова в “Леди Макбет Мценского уезда” Лескова...

Все три произведения написаны раньше “Анны Карениной”. Кстати, в черновой версии романа тело героини тоже сначала находят в Неве. Но Толстой перечеркивает это место и дает “железнодорожный” вариант. Так в мировой литературе появился неожиданный новый персонаж – поезд. Река или яд, которым отравилась заглавная героиня романа Гюстава Флобера “Мадам Бовари”, написанного двадцатью годами раньше “Анны Карениной”, персонажами быть не могут. Поезд – может. В поезде мы впервые встречаемся с Анной, поезд ставит последнюю точку в ее судьбе.

Если бы Анна Каренина утопилась, или отравилась, или выстрелила себе в грудь, или повесилась, это было бы несравненно более слабым финалом истории ее любви. Все было бы не то! Ни один из вариантов так не поражает воображение, как сцена, где молодая прекрасная женщина позволяет многотонной громадине раздавить себя.

В киноверсии 1948 года, где роль Анны играет несравненная Вивьен Ли, Анна даже не под колеса падает. Она стоит, гордо выпрямившись и широко раскрыв сияющие глаза, перед идущим на нее и громко гудящим локомотивом.

Повторяю, Толстой сам не додумался бы до такой сцены. Слишком уж радикальной она была по тем временам. Но вспомнил Анну Пирогову... Тогда-то и появилось имя героини – Анна. До этого были другие варианты: Татьяна, Анастасия... И весь трагический финал заиграл другими красками, звуками и смыслами.

Так частная провинциальная история, на которую в 1872 году обратила внимание только одна тульская газета, стала важной частью мирового шедевра. А несчастная девица, могила которой сиротливо приютилась рядом с семьей Толстого, своей смертью подарила вечную жизнь его героине. Потому что без поезда нет и Анны Карениной. Поезд – зримое воплощение ее судьбы, рока, который преследует ее с самого начала романа.

Когда я привожу своих друзей на кладбище в Кочаках, я непременно показываю им это надгробие и говорю: “Здесь лежит подлинная Анна Каренина”.

Скудные сведения о Пироговой есть в записке жены Толстого Софьи Андреевны.

“У нас есть сосед лет 50-ти, небогатый и необразованный – А. Н. Бибиков. У него была в доме дальняя родственница его жены, девушка лет 35-ти (32. – П. Б.), которая занималась всем домом и была его любовница. Бибиков взял в дом к сыну и племяннице гувернантку – красивую немку, влюбился в нее и сделал ей предложение. Прежняя любовница его, которую звали Анна Степановна, уехала из дома его в Тулу, будто повидать мать, оттуда с узелком в руке (в узелке была только перемена белья и платья) вернулась на ближайшую станцию – Ясенки (ныне Щекино Тульской области. – П. Б.) и там бросилась на рельсы, под товарный поезд. Потом ее анатомировали. Лев Николаевич видел ее с обнаженным черепом, всю раздетую и разрезанную в Ясенковской казарме. Впечатление было ужасное и запало ему глубоко. Анна Степановна была высокая, полная женщина, с русским типом и лица и характера, брюнетка с серыми глазами, но не красива, хотя очень приятная”.

Записка Софьи Андреевны озаглавлена “Почему Каренина Анна и что именно навело на мысль о подобном самоубийстве?”. Написана она уже после публикации “Анны Карениной” в “Русском вестнике” и выхода романа отдельным изданием. Имя Анна подчеркнуто Софьей Андреевной. У нее не было сомнений, что именно Анна Пирогова подарила имя главной героине.

Интересно, что в черновых набросках будущая Анна Каренина (Толстой еще только подбирал ей имя) тоже показана как женщина полная и некрасивая, но приятная. Это потом Анна станет “прекрасной”, способной свести с ума не только Вронского, но и твердого моралиста Левина.

Толстой не то чтобы дружил с Бибиковым. Они соседствовали, вместе охотились, иногда Толстой приезжал к нему вместе с женой. Софье Андреевне экономка Бибикова была симпатична. После ее смерти она отказала Бибикову от дома.

В том, что самоубийство Пироговой было обдуманном поступком, несмотря на вывод следствия, убеждают два факта: перемена белья и платья в узелке (приготовила для похорон) и письмо, которое она отправила любовнику со

станции с ямщиком и которое он не принял. Его текст приводит Софья Андреевна в письме к своей сестре Татьяне Андреевне Кузминской: “Вы мой убийца; будьте счастливы с ней, если убийцы могут быть счастливы. Если хотите меня видеть, вы можете увидеть мое тело на рельсах в Ясенках”.

Здесь же Софья Андреевна отмечает: “Случилось около Крещенья”. Крещение праздновалось в XIX веке по юлианскому календарю 6 января, а Пирогова бросилась под поезд “4 января”.

Анна Каренина покончила с собой в мае. Перед тем как совершить этот поступок на станции Обираловка Нижегородской железной дороги, она посылает Вронскому записку “в конюшни” (Вронский, страстный лошадиник, продает своих лошадей). Записка его не застаёт, он уехал в имение к матери опять-таки по денежным делам. Записка возвращается к Анне, она отправляет ее с тем же посыльным в имение графини Вронской и еще дублирует ее телеграммой, не думая о том, что телеграмма будет получена раньше записки. Потом едет в поезде на станцию Обираловка близ имения графини, с тем чтобы самой увидеться с Вронским, не надеясь на записку и телеграмму, в которых она умоляет его срочно вернуться. На станции она узнает, что в имение графини отправилась коляска с княгиней и княжной Сорокиными. Анна Каренина ревнует Вронского к молоденькой княжне Сорокиной. Здесь же ей передают ответ Вронского, где он обещает вернуться к десяти часам. Ответ кажется ей холодным и небрежным. Что произошло дальше, знают даже те, кто ни разу не читал роман.

Так что история с письмом Пироговой любовнику тоже обыграна в романе, но в ином ключе. В записке Вронскому Анна признает себя “виноватой”. Пирогова винит одного Бибикова.

Пирогова совершает самоубийство обдуманно, приготовив смену белья и написав любовнику мстительное письмо. Анна бросается под поезд, не вполне понимая, что она делает. “Где я? Что я делаю? Зачем?” – спрашивает она себя, уже опустившись на колени перед колесами. До этого она отбрасывает в сторону “красный мешочек”. Он мешает ей опуститься на руки по ту сторону рельсов. Это дамская сумочка. Такие брали с собой дамы в путь на небольшие расстояния, зная, что в этот же день вернутся домой.

Решение Анны поехать в имение графини Вронской, учитывая, что графиня ее люто ненавидит, как и она ее, было полным безумием. Мысль упасть под поезд

приходит к ней после известия о Сорокиных и ответной записки Вронского. И еще накладывается воспоминание о работнике станции, который случайно погибает под колесами поезда, когда Анна приезжает из Петербурга на московский вокзал в начале романа.

Анна Каренина уходит к любовнику от почтенного мужа, крупного государственного человека. Пирогова – бедная дальняя родственница и приживалка. И кончает с собой она не только от ревности, но и понимая, что ее место хозяйки дома, пусть и бесправной, теперь займет другая.

Что мы имеем в сухом остатке? Кажется, не много. Полнота фигуры. Анна Каренина не похудела в процессе работы Толстого от черновых вариантов к окончательной версии романа. Письма. Но они такие разные! Намеки Анны на то, что Вронский еще “раскается”, говорят о том, что мысль о самоубийстве все-таки зрела в ее голове. Вот и все. Анна и Пирогова – это совершенно разные женщины. Объединяет их только то, что обе – женщины, к которым охладели их возлюбленные.

Еще остается поезд. И анатомический стол, на котором Толстой увидел Пирогову, а Вронский – Анну. И ужас, который испытывают оба при этом зрелище.

В своих воспоминаниях “Моя жизнь” Софья Андреевна пишет: “Лев Николаевич потом рассказывал, какую ужасную картину он застал в Ясенках. Анна Степановна, совершенно обнаженная, большая, полная, с высокой грудью, лежала на столе. С затылка ее была поднята кожа, и густые черные волосы падали на лицо. Доктор, судебные власти и много мужчин любопытно окружали ее и готовились анатомировать”.

А вот что видит Вронский:

...на столе казармы бесстыдно растянутое посреди чужих окровавленное тело, еще полное недавней жизни; закинутая назад уцелевшая голова с своими тяжелыми косами и вьющимися волосами на висках, и на прелестном лице, с полуоткрытым румяным ртом, застывшее странное, жалкое в губах и ужасное в остановившихся незакрытых глазах, выражение, как бы словами выговаривавшее то страшное слово – о том, что он раскается, – которое она во

время ссоры сказала ему[1 - Здесь и далее цит. по: Л. Н. Толстой. Собр. соч. в 22 тт. М.: Художественная литература, 1978–1985. Тт. 8, 9.]

Если внимательно сравнить эти два отрывка, мы обнаружим, что в них описана одна и та же картина. Софья Андреевна: “Много мужчин любопытно окружали ее”. Толстой: “Бесстыдно растянутое посреди чужих (мужчин. – П. Б.) окровавленное тело”.

И последнее. Вронский после самоубийства Анны чувствует вину перед ней и едет на Балканскую войну, желая погибнуть. Можно предположить, что человек, который отправляется на войну с такими мыслями, непременно и погибнет.

Бибиков, узнав о смерти Анны Пироговой, даже не приехал в Ясенки. Как пишет об этом Софья Андреевна, “на Бибикова это произвело мало впечатления, и он все-таки женился на немке, которая была ему хорошей женой...”.

Жизнь не роман.

Анна – сестра Эммы

Исследователь Толстого Б. М. Эйхенбаум пишет: “Французские критики в известном смысле правы, когда они видят в «Анне Карениной» следы изучения Толстым французской литературы – Стендаля, Флобера; но, увлекаясь патриотизмом, они не видят главного – того, что «Анна Каренина» представляет собой не столько следование европейским традициям, сколько их завершение и преодоление”.

Интересно, что в процессе написания “Анны Карениной” Толстой в письмах (дневник он в это время не ведет) ни разу не упоминает роман, который был непосредственным предшественником “Анны Карениной” – “Мадам Бовари” Гюстава Флобера. Он вышел во Франции отдельным изданием в 1857 году и уже на следующий год появился в русском переводе в журнале “Библиотека для чтения”. Оттиск с журнальной публикации находился в домашней библиотеке Толстого в Ясной Поляне. В 1919 году П. А. Сергеенко вслух читал этот роман Софье Андреевне незадолго до ее смерти.

Но читал ли его сам Толстой до написания “Анны Карениной”? Судя по тому, что друзья Толстого А. А. Фет и Н. Н. Страхов в письмах к нему, написанных во время создания и публикации “Анны Карениной”, в один голос твердили, что реализм его романа несравненно выше реализма Флобера, вопрос о преемственности этих двух произведений стоял довольно остро. Строго говоря, с точки зрения сюжетной схемы (жена изменяет добродетельному мужу и расплачивается за это своей жизнью), можно было даже говорить о “плагиате”.

Толстой на сравнение себя с Флобером, пусть и в свою пользу, делал “глухое ухо”. Пока он писал свой роман, Флобера для него как бы не существовало. Зато сразу по завершении “Анны Карениной” в письме к Страхову от 22 апреля 1877 года он вдруг разразился филиппикой против Флобера, но по поводу другого его произведения – “Легенды о св. Юлиане Милостивом”, которая появилась в русском переводе И. С. Тургенева в “Вестнике Европы”.

“У меня был «Вестник Европы», – пишет он. – Потехина повесть хороша; но что за мерзость Флобера, перевод Тургенева. Это возмутительная гадость”.

Однако здесь нужно учитывать его напряженные отношения с самим Тургеневым с 1862 года, когда они поссорились в имении Фета из-за резких слов Толстого о внебрачной дочери Тургенева Полине, которая воспитывалась во Франции в семье певицы Виардо. Дело тогда едва не дошло до дуэли.

Когда в 1883 году знакомый Толстого Г. А. Русанов беседовал с ним в Ясной Поляне и задал вопрос, читал ли он “Мадам Бовари”, Толстой уклончиво ответил, что читал, но “забыл”. Но если “забыл”, значит, читал давно, еще до написания “Карениной”?

В романе Толстого есть любопытная сцена, где Анна и Левин говорят о французской литературе. Она упоминает Эмиля Золя, Альфонса Доде, но молчит о Флобере. Но трудно предположить, что Анна пропустила самый громкий и скандальный французский роман первой половины XIX века – “Мадам Бовари”. Тем более что там была описана ее собственная история. Эта “фигура умолчания” говорит не об Анне. Это “молчит” Толстой. Но молчит очень выразительно. Зачем он вообще придумал эту сцену? Зачем-то же ему был нужен этот разговор Анны с Левиным о французских романах?

Но представим себе, что Анна стала бы обсуждать с Левиным “Мадам Бовари”. Это было бы еще более странно! Как если бы героиня одного романа обсуждала героиню другого романа, которая была ее предтечей.

Известно, что Толстой боготворил Руссо, подчеркивал влияние на себя Стендаля, восхищался Гюго и преклонялся перед Паскалем. Но вот о Флобере отзывался хотя и высоко, признавая его мастерство, но как-то холодно, без энтузиазма.

Зато Флобер пришел в бурный восторг, прочитав “Войну и мир” во французском переводе в 1880 году. Он писал Тургеневу: “Спасибо, что заставили меня прочитать роман Толстого. Какой живописец и какой психолог! Мне кажется, порой в нем есть нечто шекспировское. Читая, я временами вскрикивал от восторга, а ведь читать пришлось долго. Расскажите мне об авторе. Это первая его книга? Во всяком случае, карты у него козырные. Да, это очень сильно, очень”.

В 1904 году Толстой сказал в беседе с журналистом “Фигаро” Жоржем Бурдоном: “Один из любимых моих писателей – ваш несравненный Флобер. Вот поистине великолепный художник, сильный, точный, гармоничный, полнокровный, совершенный. Его стиль исполнен чистейшей красоты”. Но эпитеты “великолепный”, “совершенный” не из лексикона Толстого. В его устах это звучит слишком выпендренно. Скорее всего, здесь надо делать поправку на то, что эти слова приводит французский журналист.

В 1901 году в беседе с другим французом, славистом Полем Буайе, Толстой назвал Флобера вместе со Стендалем и Бальзаком “настоящим мастером”. Но при этом произнес куда более важные слова: “Но пусть мне не говорят об эволюции романа, о том, что Стендаль объясняет Бальзака, а Бальзак, в свою очередь, объясняет Флобера... Я не разделяю мыслей о преемственности Стендаль – Бальзак – Флобер. Гении не происходят один от другого: гений всегда рождается независимым”.

Между двумя романами есть сходство, но нет генетической связи. Слишком разные героини и слишком разное отношение к ним двух великих писателей.

Эмма – мечтательная и сентиментальная простушка. На своем первом балу в доме маркиза она, глядя на светскую жизнь, мечтает быть такой же, как эти великолепные дамы. Флобер, хотя и добродушно, посмеивается над ней, как и

над ее первой любовью – Леоном.

Анна – светская дама, которая сама сводит с ума блестящих светских мужчин вроде Вронского. И отношение к ней Толстого далеко как от иронии, так и от добродушия.

Эмма – безвольная жертва своей мечты о большой красивой любви. Ее жалко, и только.

Анна – тоже жертва своей мечты о большой красивой любви. Но она далеко не безвольна. Она – тайфун, который увлекает за собой и губит других. Жертвами ее уже не мечты, а воли к любви становятся два Алексея – Каренин и Вронский. Первый остается на руинах семейной жизни с двумя детьми Анны, своим сыном и дочерью Вронского. Вронский, который пожертвовал ради Анны карьерой, отправляется погибать на Балканскую войну.

У Эммы единственный прототип. Сюжет был подсказан Флоберу его другом Луи Буйле, которому посвящен роман. Он напомнил Флоберу о семье Деламар. Эжен Деламар учился хирургии под руководством отца Флобера. Не обладая выдающимся талантом, он занял место врача в глухой провинции, где женился на вдове, женщине старше его. После смерти жены встретил девушку по имени Дельфина Кутюрье, ставшую его второй женой. Романтическая натура Дельфины не вынесла скуки провинциальной жизни, и она начала тратить деньги мужа на дорогие наряды, а затем изменять ему с любовниками. Запутавшись в долгах и теряя внимание со стороны мужчин, она покончила с собой, приняв яд. После смерти Дельфины ее мужу открылись правда о ее долгах и подробности измен. Он не смог этого вынести и через год скончался. Роман почти в точности повторяет этот реальный сюжет.

Роман Толстого не повторяет никакого реального сюжета. При этом он является отражением жизни во всей ее совокупной сложности.

Сюжет “Мадам Бовари” банален, и нам остается только преклоняться перед мастерством Флобера, сумевшего из простой истории сделать художественный шедевр. В этом – загадка “Мадам Бовари”. Когда Флобер говорил: “Мадам Бовари – это я”, – он едва ли имел в виду, что он и Эмма – одно лицо. Он хотел сказать, что писатель не что иное, как его проза, его образы. Флобер был принципиальным противником писательских “биографий”. Биография писателя –

это то, что он написал. Во время создания “Мадам Бовари” он был Эммой Бовари – все остальное в его жизни не имело смысла.

Личность Толстого далеко не исчерпывается его художественными произведениями, от которых он после своего “духовного переворота” легко отказывался, считая их ненужными, как поступил с “Войной и миром” и “Анной Карениной”. Невозможно представить, чтобы Толстой сказал: “Анна Каренина – это я”.

Флобер всю свою личность отдавал своим романам и в написании их видел смысл своей жизни. Бескорыстному служению красоте, как он ее видел и понимал. Лекцию о “Мадам Бовари” Владимир Набоков начинает такими словами: “Переходим к наслаждению еще одним шедевром, еще одной сказкой. Из всех сказок нашей серии роман Флобера «Госпожа Бовари» самая романтическая. С точки зрения стиля – перед нами проза, берущая на себя обязанности поэзии. Когда читаешь ребенку, он спрашивает, так ли все было на самом деле. Если не так, требует, чтобы прочли другой рассказ – правдивый. Оставим такой подход к книгам детям и юношеству... Не будем себя дурачить; будем помнить, что никакого практического значения литература не имеет в принципе – за исключением того совершенно особого случая, когда человек собирается стать преподавателем литературы. Девушки Эммы Бовари никогда не было; книга «Госпожа Бовари» пребудет вовеки. Книги живут дольше девушек”.

Роман Толстого начинается с эпиграфа “Мне отмщение, и Аз воздам”. Это цитата из Послания апостола Павла к римлянам, которая, в свою очередь, была цитатой из Второзакония. С самого начала Толстой подчиняет свое повествование какой-то одной важной мысли, которую хочет высказать. Толстой не служит роману – он вынуждает роман служить главной авторской мысли. Но художественная загадка произведения в том, что автора в нем как раз нет. Об этом говорил Набоков, заметив, что в романе “не чувствуется нажима авторского пера”.

Отношение Флобера к провинциальным буржуа, к самой Эмме и ее любовникам в общем-то понятно. Он их презирает, но по-своему и любит как типажей, а в целом иронизирует над ними. Но мы никогда не поймем истинного отношения Толстого к Анне и всем остальным персонажам романа, потому что его просто не существует. Их поведение вытекает не из замысла автора, а из самой жизни. Персонажей Флобера мы видим глазами Флобера. Персонажей “Анны Карениной” мы видим глазами других персонажей, и этот взгляд непрестанно

меняется. Но при этом роман катится, как поезд на рельсах, которых мы не видим, находясь внутри вагона, но знаем, что они есть.

Толстой никогда бы не мог сказать о своей героине словами Пушкина о Татьяне Лариной: “Представляете, какую штуку удрала со мной моя Татьяна... замуж вышла”. Бросившись под поезд, Анна Каренина не совершает ничего неожиданного. В сущности, автор убивает свою героиню уже в XI главе второй части романа, в единственной постельной сцене, где показано, как Анна впервые отдается Вронскому.

Она, глядя на него, физически чувствовала свое унижение и ничего больше не могла говорить. Он же чувствовал то, что должен чувствовать убийца, когда видит тело, лишенное им жизни... Но, несмотря на весь ужас убийцы пред телом убитого, надо резать на куски, прятать это тело, надо пользоваться тем, что убийца приобрел убийством.

Предопределенность финала здесь очевидна. Анна, по Толстому, уже мертва нравственно. Остается дождаться прибытия товарного поезда.

Но возникает вопрос. Если это так, то почему роман нас затягивает и не отпускает не только во время первого прочтения, но и второго, и третьего, и десятого? Почему рождаются бесконечные киноверсии столь известного сюжета? Возможно, потому, что содержание романа не так уж и очевидно?

Не может быть вариантов трактовки содержания “Мадам Бовари”, если только не пускаться в разного рода фрейдистские спекуляции, которых, впрочем, и роман Толстого не избежал. Все в этом романе ясно как божий день, и нам остается только восхищаться волшебным мастерством Флобера.

Содержание “Анны Карениной” меняется с каждым новым прочтением. Всё меняется, и все меняются, все персонажи! Мы знаем, чем это закончится, но никогда не поймем, почему это произошло именно так. Все ключевые сцены романа давно есть в нашей голове, и изменить их нельзя. Бал в Москве, встреча Анны и Вронского на станции Бологое в метель, конные скачки в Красном Селе, первое признание Анны мужу в измене, ее гибель... Мы знаем, что Левин женится на Кити, а Вронский поедет на Балканскую войну. Но каждый раз,

перечитывая сцены, мы видим их по-разному...

Эмма и Анна – сестры. У них одна мать – литература. Эмма – старшая сестра. Но эти женщины рождены от разных отцов.

Предчувствие романа

Остается загадкой, почему Толстой в марте 1873 года начинает роман, который отнял у него четыре года (пять, если считать до выхода отдельным изданием в 1878 году), писался с недовольством не только собой, но и самим романом, который в письмах Н. Н. Страхову и А. А. Фету он называет “пошлым”, “противным”, жалуется, что “Анна” “надоела как горькая редька”, что он мечтает скорее от нее избавиться и заняться другой работой. Есть подозрение, что роман и закончен-то был потому, что Толстой заранее продал его издателю журнала “Русский вестник” М. Н. Каткову, получив от него вперед 10 000 рублей из расчета 500 рублей за лист. Для справки: Ф. М. Достоевский, опубликовавший в 1874 году в “Русском вестнике” роман “Подросток”, получил 250 рублей за лист, ровно в два раза меньше.

Толстой в это время, как сказали бы сегодня, “раскрученный” автор. Успех “Войны и мира” подогревает интересы издателей, они охотятся за Толстым. И конечно, новость о том, что он в Ясной Поляне начал новую крупную вещь, вызывает издательский ажиотаж. Толстой с его независимым и гордым характером сам себя пиарить бы не стал. Но у него есть надежный посредник, бесконечно преданный ему критик Н. Н. Страхов, с которым у Толстого в период написания “Анны Карениной” велась интенсивная переписка. По просьбе Толстого Страхов и держал корректуры романа.

Торги и продажа начатого, но далеко еще не законченного романа проходили осенью 1874 года. Главным конкурентом Каткова был поэт Н. А. Некрасов, издатель журнала “Отечественные записки”, но у него договор с Толстым не сложился. Тогда еще не очень разбиравшаяся в издательских делах мужа Софья Андреевна тем не менее знала о них, разговоры в семье ходили. Она сообщает сестре Т. А. Кузминской: “Роман не пишется, а из всех редакций так и сыплются письма: десять тысяч вперед и по пятьсот рублей серебром за лист. Левочка об этом и не говорит, и как будто дело не до него касается”.

Но каким образом она узнала бы об этом и каким образом из редакций посыпались бы предложения, если бы Левочка ни с кем об этом не говорил?

4 ноября 1874 года Толстой пишет Страхову, что хочет предложить роман “Русскому вестнику”. Он не скрывает и своих меркантильных интересов. Например, он намерен прикупить земли, “округляющей имение”, то есть расширить Ясную Поляну.

Еще в 1871 году он затеял перестройку яснополянского дома, бывшего флигеля, который его дед Н. С. Волконский построил не как основной дом. Главный трехэтажный родовой дом Толстой продал на вывоз в 1854 году во время Крымской кампании и теперь, наверное, жалел об этом. Семья разрасталась. К концу 1874 года в семье Толстых было шестеро детей: Сергей, Татьяна, Илья, Лев, Мария и Николай.

Так что в деньгах Толстой нуждался, хотя только ради них никогда не писал.

В письме к Страхову Толстой приводит и еще один довод в пользу заключения договора с Катковым. Он хочет “себя этим связать”, чтобы “закончить роман”. Это второе признание куда важнее первого. Оно говорит о том, что Толстой не то чтобы не хотел писать этот роман... Но сам находился в недоумении: зачем он вдруг взялся за историю измены светской женщины с гвардейским офицером?

Толстой не считал себя романистом и сердился, если “Войну и мир” называли романом. Его первый романный опыт “Семейное счастье”, опубликованный в 1859 году, оказался неудачным и прошел незамеченным критикой. Сам Толстой был в нем разочарован настолько, что хотел вообще бросить заниматься литературой. Весной 1859 года он пишет своей тетушке А. А. Толстой: “Еще горе у меня. Моя Анна, как я приехал в деревню и перечел ее, оказалась такая постыдная гадость, что я не могу опомниться от сраму и, кажется, больше никогда писать не буду. А она уж напечатана”.

Напечатана она была в том же “Русском вестнике”. Но имя главной героини романа, от лица которой идет повествование, Маша. Толстой почему-то называет ее Анной и спустя двадцать лет после провала “Семейного счастья” начинает писать новую “Анну”.

“Я работаю, но совсем не то, что хотел”, – пишет он П. Д. Голохвастову, когда первый вариант будущей “Анны Карениной” был начерно написан им за пять (!) дней. В письме Страхову Толстой признается, что хотел “пошалить этим романом”, но теперь “не могу не окончить его”. Это признание сделано раньше договора с Катковым, и оно значит, что сам договор был нужен ему по странной причине. Толстой не мог не написать этот роман, но не написал бы, если бы не закабалил себя договором.

В марте 1873 года, когда Толстой всего за пять дней создает первый черновой вариант “Анны Карениной”, он находится в состоянии творческой эйфории. Он пишет Страхову: “...вдруг завязалось так красиво и круто, что вышел роман, который я нынче кончил начерно, роман очень живой, горячий и законченный, которым я очень доволен и который будет готов, если Бог даст здоровья, через две недели...”

Итак, он давал себе еще 14 дней на то, чтобы полностью написать “Анну Каренину”.

Но почувствовал: что-то не так! Здесь какая-то ловушка, западня... И это письмо Страхову не отправил, как и письмо Голохвастову. Однако оба сохранил. Он часто так поступал с письмами, когда не был в них уверен, но и не был уверен, что они совсем не имеют смысла.

Это были еще не муки творчества. Они начнутся позже и продлятся четыре года вместо отведенных на роман двадцати дней. Это было именно недоумение, растерянность перед тем, что он делает, во что он ввязался.

Роман – это “шалость”, это что-то из французской литературы. И еще это что-то для женщин. А он писатель серьезный. И вдруг на тебе! Выскажу странную мысль... Начав писать “Анну Каренину”, Толстой, как и его героиня, совершает измену, но в этом случае в отношении того, чем он занимался в промежутке между окончанием “Войны и мира” и началом работы над “Анной”. Он чувствует это, как Анна чувствует, что совершает что-то преступное, но “не может иначе” (ключевая фраза в романе, которую произносят и Анна, и Вронский, и Левин). Так и Толстой чувствует, что вроде бы сел не в свои сани, но “не может иначе” и будет нахлестывать рысака и умчится в чужих санях в неизвестность.

Ему и страшно, и весело!

Ничто в начале 70-х годов не предвещало, что Толстой станет писать роман об измене красивой замужней женщины. Ничто! В это время он одержим двумя грандиозными творческими проектами. Это “Азбука” и роман об эпохе Петра Первого.

“Азбука” – гордый замысел Толстого, о котором он писал А. А. Толстой 12 января 1872 года: “Гордые мечты мои об этой «Азбуке» вот какие: по этой «Азбуке» только будут учиться два поколения русских всех детей, от царских до мужицких, и первые впечатления поэтические получают из нее, и что, написав эту «Азбуку», мне можно будет спокойно умереть”.

Не будем подробно вдаваться в историю создания этой хрестоматии. Важно то, что Толстой этой работой горел! Специально для “Азбуки” он сам написал два рассказа, один из которых был шедевром – “Кавказский пленник”. Второй – “Бог правду видит, да не скоро скажет” – как бы развернутое продолжение эпизода в “Войне и мире”, где Платон Каратаев рассказывает Пьеру Безухову историю о купце, и одновременно иллюстрация к словам Каратаева: “Где суд, там и неправда”.

Оба рассказа – это совершенно новый Толстой, увлеченный народным творчеством, житиями святых и пишущий коротко и доходчиво, так чтобы было понятно и аристократу, и мужику, и взрослому, и ребенку.

Ничего общего с многосложной “Анной Карениной”.

Толстой был доволен “Азбукой” и верил в ее успех. “Я избалован успехами своих книг, – пишет он Страхову в сентябре 1872 года. – Если «Азбука» выйдет в ноябре, не разойдется вся к новому году... то это будет для меня неожиданное *fiasco*[2 - Неудача, провал (итал.). – Здесь и далее примеч. авт.]...”

Но так и случилось. Вышедшая в четырех книгах “Азбука” вызвала только раздражение критиков и педагогов, которое вылилось в печать. И как бы Толстой ни уверял себя, что он прав, а критики его не правы, неуспех “Азбуки” он переживал болезненно.

Софья Андреевна пишет в своих записках в январе 1873 года: “«Азбука» эта имела страшный неуспех, который ему очень неприятен... Вчера он говорил: «Если б мой роман потерпел такой неуспех, я бы легко поверил и помирился, что

он нехорош. А это я вполне убежден, что “Азбука” моя есть необыкновенно хороша, и ее не поняли»”.

Задумаемся: не потому ли уже в марте того же года Толстой легко, как бы играючи, за пять дней создает первую черновую версию будущей “Анны Карениной”, что лев решил показать читающей публике свои когти.

Так вы ждете от меня романа? Будет вам роман!

Второй грандиозный замысел начала 70-х годов – роман о Петре Первом. Окрыленный успехом “Войны и мира”, Толстой решает пойти вглубь российской истории. Он тщательно собирает материал, изучает быт, язык, нравы той эпохи. Но теперь он сам вынужден признать, что ничего у него не получается. Слишком далекое от него это время. Толстой его не чувствует, не видит, не слышит, а для него это очень важно.

Возможно, это творческое *fiasco* и стало одной из причин откровенной ненависти Толстого к самому Петру. “Пьяный сифилитик Петр со своими шутами”, – выскажется он о нем в поздней работе “Царство Божие внутри нас”. И еще он скажет своему секретарю Н. Н. Гусеву: “По-моему, он был не то что жестокий, а просто пьяный дурак”.

Семидесятые годы – это еще и предчувствие духовной катастрофы, которая произойдет с Толстым сразу после окончания работы над “Анной Карениной”. И это предчувствие отразится в последней, восьмой части романа, где описывается деревенская жизнь Левина и Кити. Эта последняя часть, по мнению многих, как что-то лишнее, висит в романе после самоубийства Анны. Она ломает традиционные представления о романе как жанре. Восставшая против судьбы героиня погибла – что еще? Зачем эти длинные описания деревенских будней и душевных терзаний Левина?

Счастливый семьянин, здоровый человек, Левин был несколько раз так близок к самоубийству, что спрятал шнурок, чтобы не повеситься на нем, и боялся ходить с ружьем, чтобы не застрелиться.

Это в точности совпадает с тем, что происходило с самим Толстым в конце 70-х годов, когда он писал восьмую часть романа. Он тоже прятал от себя шнурки, чтобы не повеситься, и ходил на охоту с незаряженным ружьем, чтобы не застрелиться. Но роман-то здесь при чем? У него свои законы, в том числе и законы финала. Не случайно подавляющее большинство киноверсий “Карениной” заканчиваются гибелью Анны под поездом, а “левинская” часть режиссерам не интересна.

Издатель “Русского вестника” М. Н. Катков отказался печатать восьмую часть по политическим соображениям. Левин отрицательно высказывается о русском добровольческом движении в Сербско-турецкой войне 1876–1877 годов, и все понимали, что это мнение самого Толстого. Но, будучи вынужден публично объяснить свое решение, Катков в № 5 журнала за 1877 год поместил следующие слова: “В предыдущей книжке под романом «Анна Каренина» выставлено: «Окончание следует». Но со смертью героини собственно роман кончился”. Он предлагал автору напечатать восьмую часть в “особом издании своего романа”.

Толстой был в ярости! Для него история Левина и Кити была гораздо важнее истории Анны и Вронского, потому что это была его история. Катков обманул Толстого, превратив его произведение только в роман. Но ведь и Толстой обманул Каткова, печатая в его журнале по мере написания роман (так значилось под названием в рукописи), но закончив его так, как романы не заканчивают.

Начав писать “Анну Каренину” весной 1873 года, Толстой поначалу испытывает радость и легкое головокружение от того, что ему легко пишется роман. “Роман этот, именно роман, первый в моей жизни, очень взял меня за душу. Я им увлечен весь”, – сообщает он Страхову. Но потом начинаются сомнения, терзания и недовольство тем, что он делает. Несколько раз он даже готов бросить писать “Анну Каренину”, делает большие перерывы, уезжает в самарские степи на кумыс, продолжает заниматься педагогикой, создавая в Крапивенском уезде Тульской губернии школы, где детей обучают по специальной, разработанной Толстым системе... Но потом все-таки возвращается к “Анне”, как любовник возвращается к измучившей его женщине, потому что “не может иначе”.

Впервые мысль написать роман о женской измене пришла Толстому в начале 1870 года. 24 февраля Софья Андреевна записывает в дневнике: “Вчера вечером

он мне сказал, что ему представился тип женщины, замужней, из высшего общества, но потерявшей себя. Он говорил, что задача его сделать эту женщину только жалкой и не виноватой и что как только ему представился этот тип, так все лица и мужские типы, представлявшиеся прежде, нашли себе место и сгруппировались вокруг этой женщины”.

Однако 24 февраля Толстой пишет не начало “Анны Карениной”, а первый набросок исторического романа о Петре. Не будем проводить прямых параллелей, но в этом наброске тоже идет речь об измене, только государственной.

В Троице-Сергиеву лавру привозят зачинщиков заговора против Петра в пользу царевны Софьи – начальника Стрелецкого приказа Федора Шакловитого и стрельца Обросима Петрова. Во время пыток Шакловитый “виляет” и пытается скрыть свое участие в заговоре. Обросимов, напротив, признается во всем, говорит смело и открыто. Когда его сняли с дыбы, лицо его почти не изменилось. “Так же расходились мягкие волной волосы по обеим сторонам лба, так же как бы кроткая улыбка была на губах, только лицо было серо-бледное, и глаза блестели более прежнего...”

Исследователь творчества Толстого Н. Н. Гусев считал этот вариант начала лучшим из всех, что были созданы Толстым. Однако развития он не получил, а роман о Петре не был закончен. Опять-таки не будем проводить прямых параллелей, но сам по себе характер преступника (изменяя мужу, Анна Каренина по законам православного государства была преступницей), который не пытается скрыть свое преступление, а смело и открыто смотрит в глаза своих судий, Толстому, безусловно, более симпатичен, чем тот, кто виляет и хитрит. И еще обратим внимание на блестящие глаза. В “Анне Карениной” блеск глаз героини является главной ее внешней и одновременно внутренней характеристикой. В сцене встречи Анны и Вронского на вокзале в Москве Толстой в одном только абзаце трижды упоминает о блеске глаз Анны.

Блестящие, казавшиеся темными от густых ресниц, серые глаза дружелюбно, внимательно остановились на его лице... В этом коротком взгляде Вронский успел заметить сдержанную оживленность, которая играла в ее лице и порхала между блестящими глазами и чуть заметной улыбкой, изгибавшею ее румяные губы... Как будто избыток чего-то так переполнял ее существо, что мимо ее воли выражался то в блеске взгляда, то в улыбке.

Глаза блестят и у других героев романа – это вообще один из любимых эпитетов Толстого. Но у Анны они блестят столь часто и так ярко, что однажды, лежа в кровати, героиня сама видит, как глаза ее блестят в темноте. Известно, что это место в “Анне Карениной” приводило в восторг А. П. Чехова.

Всю зиму и начало весны 1872–1873 годов Толстой проводит в бесплодных попытках писать роман о Петре. Но постепенно понимает, что, как ни жаль ему потраченных усилий на собирании исторического материала, написать этот роман он не сможет. Тридцать три раза он начинает его и бросает.

“Я ждал целый год, мучительно ждал расположения духа для писанья...” – позже признается он Страхову. Но это расположение духа пришло к нему совсем не оттуда, откуда он ждал.

И вновь первым свидетелем озарения Толстого в связи с будущей “Анной Карениной” была его жена. 19 марта 1873 года она пишет в дневнике, начиная запись с тех же слов, что и в записи 1870 года, когда Толстому впервые пришла мысль о романе: “Вчера вечером Левочка мне вдруг говорит: «А я написал полтора листочка и, кажется, хорошо»”.

Она решила, что это новая попытка начать роман о Петре, но вдруг узнала, что это “роман из жизни частной и современной эпохи”.

Все произошло вдруг!

Гости съезжались

Есть несколько версий, почему в 1873 году в руках Толстого оказался томик Пушкина с “Повестями Белкина”, где был незаконченный отрывок “Гости съезжались на дачу***”. По версии Софьи Андреевны, сын Сережа просил ее “дать ему почитать что-нибудь старой тете (Т. А. Ергольской. – П. Б.)”. Она дала ему “Повести Белкина”, но оказалось, что тетушка уже заснула, и Софья Андреевна, поленившись спуститься вниз в библиотеку, оставила книгу возле окна в гостиной. “На другое утро, – пишет она в дневнике, – во время кофе

Левочка взял эту книгу и стал перечитывать и восхищаться”.

Под влиянием Пушкина он и начал писать роман.

По версии самого Толстого из письма Н. Н. Страхову от 25 марта 1873 года, “Повести Белкина” предназначались для чтения как раз Сереже, но Софья Андреевна решила, что для 10-летнего мальчика рано читать это, и книга оказалась в руках Толстого. “Я как-то после работы взял этот том Пушкина и, как всегда (кажется 7-й раз) перечел всего, не в силах оторваться, и как будто вновь читал... И там есть отрывок «Гости собирались на дачу». Я невольно, нечаянно, сам не знаю зачем и что будет, задумал лица и события, стал продолжать...”

В 1886 году вышла книга Ф. И. Булгакова, в которой, со слов “близкого Толстому человека”, сообщалось о реакции Толстого на прочтение пушкинского отрывка. “Вот прелесть-то! – сказал Лев Николаевич. – Вот как надо писать! Пушкин приступает прямо к делу. Другой бы начал описывать гостей, комнаты, а он вводит в действие сразу”.

Н. Н. Гусев предполагает, что этим близким лицом мог быть старший сын Толстого Сергей Львович, Сережа (так зовут и сына Анны Карениной). Сам Сергей Львович в 1908 году скажет: “Не помню, чтобы я читал Пушкина «Гости съезжались на дачу». Но помню, как Лев Николаевич говорил: «Вот как надо писать»”.

Но можно ли считать “Анну Каренину” продолжением пушкинского отрывка? Разумеется, нет. Между окончательным текстом романа и пушкинским незавершенным отрывком нет почти ничего общего, кроме энергичного ритма фраз: “Гости съезжались на дачу” и “Все смешалось в доме Облонских”. Но и здесь нет полного совпадения. “Гости съезжались на дачу” – написано поэтом и стихотворным размером, это усеченный трехстопный дактиль. “Все смешалось в доме Облонских” не укладывается ни в какой стихотворный размер. К тому же, как установил другой исследователь Толстого В. А. Жданов, знаменитая фраза “Все смешалось в доме Облонских” появилась только в девятой редакции черновой рукописи романа. Впрочем, это не исключает того, что текст Пушкина продолжал оказывать влияние на Толстого на протяжении всей работы над черновиками.

Жданов также пишет, что установить точную хронологию черновых редакций “Анны Карениной” – очень трудная задача, так как рукописи прежде хранились в “хаотическом беспорядке”. Добавим, что и сохранились они не все. Было время, когда в семье Толстого не берегли его черновики. Так, рукописями “Войны и мира” запросто могли оклеивать окна на зиму. Однажды сын Толстого Лев Львович, поселившись с женой Дорой во флигеле Ясной Поляны, выбросил с чердака в сточную канаву целую связку рукописей отца. Сам Толстой к черновикам относился равнодушно. Он мог гореть во время работы над очередной вещью, но после ее публикации остывал к ней и видел в ней одни недостатки.

Тем не менее ведущие толстоведы Н. К. Гудзий, В. А. Жданов, Н. Н. Гусев после кропотливой работы смогли установить эту хронологию. Не будем детально в нее вдаваться. Заметим лишь, что “эмбрионом” “Анны Карениной”, несомненно, был пушкинский отрывок. Первая черновая редакция романа, без названия, без обозначения жанра, без эпиграфа “Мне отмщение, и Аз воздам”, являлась развитием сюжета Пушкина.

Напомню этот сюжет.

Светский салон. Зала наполняется гостями, приехавшими из театра. На балконе идет беседа между каким-то “русским” и испанцем. Они обсуждают разницу между брюнетками и блондинками, спорят, какие женщины, русские или испанки, больше пленяют воображение, и переходят к разговору о чистоте нравов в России.

В залу входит некая Вольская. “Она была в первом цвете молодости. Правильные черты, большие черные глаза, живость движений, самая странность наряда, все поневоле привлекало внимание. Мужчины встретили ее с какой-то шутливой приветливостью, дамы с заметным недоброжелательством...”

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Здесь и далее цит. по: Л. Н. Толстой. Собр. соч. в 22 тт. М.: Художественная литература, 1978–1985. Тт. 8, 9.

2

Неудача, провал (итал.). – Здесь и далее примеч. авт.

Купить: https://tellnovel.com/basinskiy_pavel/podlinnaya-istoriya-anny-kareninoy

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)